

Редакция журнала оговаривает, что настоящий номер, подготовленный и отредактированный редакцией старого состава еще в летний период, задержался в выходе по техническим обстоятельствам и в своем содержании не отражает того поворота, о котором говорит передовая статья.

Вопросам поворота на естественно-научном фронте будет посвящен следующий очередной номер журнала.

Редакция

РОЛЬ МАТЕМАТИКИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА *

О. Ю. Шмидт

Одной из характерных черт переживаемого момента является тяга среди квалифицированной интеллигенции к более непосредственному и более сознательному участию в строительстве социализма. Речь на этом этапе идет уже о техническом участии, при котором инженер стремится хорошо построить мост, не думая о том, для кого он строит: для частной или компании, своей или иностранной, для какого класса или общества; речь идет о более высокостепенном, более сознательном отношении. Это движение среди интеллигенции особенно ярко сказывается среди научных работников: движение за сознательное, за творческое участие в социалистическом строительстве породило например такую интересную организацию, как ВАРНИТСО. Но это движение идет гораздо дальше пределов этой организации. В него в большей или меньшей степени вовлечен весь наш научный мир. Перед каждым из нас сейчас, после 13 лет революции, вопрос стоит уже о степени нашего участия, о степени веса той гири, которую каждый из нас кладет на весы социалистического строительства. От совокупного веса этих гирь в значительной мере будет зависеть, что перетянет, ибо обеспеченность социалистического строительства у нас несомненна только при большом напряжении всех сил, при правильной политической линии, при максимальной политической сознательности. Что научная работа есть одна из величайших опор нашего строительства, это общеизвестно, — но большая и качественная и количественная разница между научной работой только технической и научной работой, окрыленной определенным желанием именно помочь строительству, именно вложить свои силы в это строительство. Эта общая установка роднит нас с другими отрядами научной мысли. Но в отношении математики у нас есть свои специфические особенности, диктуемые тем, что наша наука не столь непосредственно находит смычку с практическим применением.

Я хотел бы сначала в очень беглых чертах сказать о положении науки в СССР вообще, не только математики, под углом зрения ее участия в строительстве.

Каково положение науки в СССР? Все мы знаем, и это признано за границей, это вынуждены признать даже наши недруги за границей, что вопреки всяким предсказаниям наука в стране строящегося социализма развивается более быстрым темпом, чем где-либо, и имеет более благоприятные условия теперь, чем это было до революции. Но позвольте несколько конкретнее иллюстрировать это общее всем известное положение, так как вряд ли даже мы, а тем более лица более далекие от нашего социа-

* Речь на Всесоюзном математическом съезде в Харькове 24 июня 1930 г.

листического строительства, представляют себе весь размер участия государства в научной жизни, весь размах и широту тех мероприятий, кото-ые у нас осуществляются. Я скажу хотя бы то, что сводный бюджет научных учреждений всего Союза на будущий год составляет 450 млн. рублей. Я смею утверждать, что ни в одной стране, за исключением США, такого бюджета научных учреждений нет. 450 млн. рублей—это бюджет абсолютно больший, чем в любой стране, кроме США, а относительно к народному доходу это больше, чем в какой бы то ни было стране было и есть. Я обращаю ваше внимание еще на то, что мы имеем сейчас в настоящий момент шесть тысяч аспирантов — молодых ученых, получающих от государства стипендию не менее 100 р. в месяц, а в большинстве случаев и больше. Я не смог получить из архива бывш. Министерства народного просвещения точных данных для сравнения того, сколько было аспирантов, или, как тогда их называли, профессорских стипендиатов до революции. Я сам был когда-то среди них и помню общую обстановку и ряд разговоров, которые тогда были, и думаю, что не ошибусь, если назову цифру этих аспирантов в 300 человек, а самое большее в 400, — сейчас же у нас шесть тысяч государственных стипендиатов, окончивших высшие учебные заведения и подготовляющихся к научной профессорской работе.

Мало того, при развитии высшего образования в связи с подготовкой необходимых для страны кадров специалистов приходится проектировать еще большие темпы подготовки научных работников. Имеется предположение к концу пятилетки, т. е. через три года, довести количество аспирантов до двадцати тысяч. Это будет армия молодых научных работников, абсолютно большая, чем совокупно во всем остальном мире. От нас зависит, чтобы она и качественно была соответственно первой в мире. Во всяком случае, средний количественный состав не будет не хуже, чем в остальном мире. За это нам порукой то, что наша научная молодежь очень быстро дает хорошую продукцию, в чем мы удостоверимся на этом съезде, и по общему убеждению не уступает заграничным научным работникам.

Я еще приведу такие данные. Рост высшего образования в нашей стране связан с перспективой социалистического строительства. Только осуществление такой большой задачи, как пятилетка, а в особенности в перспективе ускоренного ее осуществления, могло поставить вопрос о кадрах с такой остротой, с какой, как вам известно, он у нас стоит. Как вы знаете, пятилетка осуществляется успешно. Наиболее узким местом ее осуществления является недостаток специалистов. Это узкое место будет преодолено в течение ближайших четырех, может быть, пяти лет. За это время вольются в народное хозяйство больше миллиона новых специалистов. Соответственно с этим происходит расширение высшего образования. Как раз в день моего отъезда сюда Совнарком утвердил цифру приема в вузы на будущий год в 120 тыс. человек, против пятидесяти с небольшим тысяч приема прошлого года и менее сорока тысяч позапрошлого.

Вы видите, каким темпом растет высшее образование. Из этих 120 тыс. не менее чем 100 тысячам мы, математики, будем преподавать высшую математику в технических, сельскохозяйственных, экономических и педагогических вузах. Вот какая задача стоит перед нами. Проф. Блюменталь очень правильно подчеркнул здесь большое значение математики в подготовке инженеров. Это дело у нас стоит еще далеко не хорошо. Мы еще не нащупали хороших методов, как математику преподавать инженерам, чтобы эти методы были увязаны с практикой, чтобы математика

не была им чуждой. Для вас ясно по опыту каждого из нас, что преподавание и научная работа тесно переплетаются и не только в том смысле, что большое количество часов преподавания мешает научной работе. Мы знаем, что в процессе преподавания мы поднимаем новые пласты научной молодежи и часто сталкиваемся с задачами, которые нас углубленно заинтересовывают.

Эта перспектива — иметь сто тысяч учеников в будущем году — является одной из предпосылок огромного, грандиозного развития у нас математики, которое нам несомненно предстоит. Какова же та математика, о будущем развитии которой я говорю? Математика занимает весьма своеобразное положение среди наук. Я не имею в виду в настоящий момент давать подробный анализ характера математики вообще. Отчасти этому вопросу будет посвящен доклад С. А. Яновской, и я могу вас к нему отослать. Но я хотел бы здесь, так как основной темой моего доклада является роль математики в строительстве социализма, подчеркнуть некоторые особенности математики, которые и эту тему заставляют ставить в несколько необычном разрезе. Математика из всех наук имеет наибольший соблазн считать себя наукой надклассовой и вообще наукой «безгрешной». Тут есть и тот соблазн, что приложение математики далеко не адекватно всему математическому творчеству, что значительная часть математиков далека от приложений. Тут есть тот соблазн, что математические истины вытекают, казалось бы, из совершенно особых свойств нашего ума или создаются нашим умом независимым образом, и поэтому математика может и должна держаться в стороне от классовой борьбы и от социалистического строительства. Что касается приложения математики, то все вероятно знают заявление одного из крупнейших ученых, что ему нравится теория чисел потому, что это та часть математики, которая еще на запятанна приложением. Несомненно, эта точка зрения довольно популярна. Есть тенденция превратить математику в особый мир, который не обязан быть ни в каком соответствии с миром действительным. Рассматривают математику как своего особого рода реальность. Если оказывается, что математика все-таки приложима, то с точки зрения сторонников такого взгляда на математику это не больше как счастливая случайность. Такой взгляд, как известно, существует. Будем ли мы, говоря о роли математики в строительстве социализма, говорить об этой счастливой случайности и высказывать скромные пожелания, чтобы эта доля счастливой случайности увеличивалась? Я думаю, что это было бы недостойным нас бездействием. Мы совсем не этого хотим. Мы хотим математику в целом охватить, мы хотим математику в целом видеть среди коренных научных сил, участвующих в нашем строительстве. На деле, разумеется, математика никогда не была так далека от приложения, это больше фикция тех математиков, которые заняты наиболее абстрактными ее ветвями и, занимаясь этой абстракцией, потеряли сами чутье, откуда эта абстракция берется. Постепенно в традиции теряются первоначальные корни абстракции, первоначальным толчком которой было действительное явление. На протяжении истории математики это вскрывается довольно ярко. Ведь математика XVIII в. не говорила о кризисе чистой математики, и бессмысленно было бы тогда об этом говорить при очень тесной связи с реальным миром, когда математики радовались тому, что находимые ими абстрактные методы дают блестящий результат и позволяют охватить, как тогда думали, все мироздание формулой чисел. И тогда, и сейчас — если говорить откровенно не о философской тенденции, заложенной в реак-

ционном крыле математиков, а о действительном положении — нужно сказать, что современная математика вовсе не так далека от приложений. Позвольте привести в доказательство два примера: во-первых, те явления, которые сейчас происходят в физике — углубление и развитие теории относительности, с одной стороны, комплекс вопросов, связанных с квантовой механикой и волновой механикой, с другой стороны — показывают, что самые абстрактные в философском смысле математики, занимающие на философском фронте далекие от нас позиции, в то же время участвуют в разрешении этих задач, выдвигаемых физикой, как бы они ни желали замкнуться в своем блестящем одиночестве. Независимость математики является фикцией. На деле математика умерла бы давно, если бы она пребывала в этом блестящем одиночестве! На деле она и теперь питается другими науками. И если мы подсчитаем в порядке дня нашего съезда, сколько у нас стоит докладов явно прикладного характера, и сколько докладов по «чистой» математике, но происхождение которых из прикладных проблем ясное, и сколько наконец абстрактных докладов, то вы увидите, что чисто прикладные плюс не потерявшие еще родственной связи с приложением будут в значительном большинстве.

Неверно также утверждение о том, что современная математика за рубежом или здесь есть математика внеклассовая. Этого нет. Разумеется, конечно, есть отдельные математики, которые занимаются вопросами о таких-то пространствах или о таких-то уравнениях и при этом субъективно, в отношении науки по крайней мере, далеки от того, чтобы с этим связывать какой-либо классовый интерес, но мы говорим об огромных явлениях, в которых участвуют сотни людей, и вправе брать общие средние и общие выводы, независимо от субъективных позиций тех или иных лиц. Как же используется математика? Товарищи статистики например знают очень хорошо, что делают с нашей наукой. Всем известны формулы Пирсона, — математическое содержание они имеют е-большое, это также всем известно, нужно это только откровенно сказать. Однако использование этих формул принимается как нечто глубоко научное и обоснованное, и если какое-либо социальное явление на каком-то отрезке времени располагается по кривой, которая похожа на кривую Пирсона, то постулируется, что это явление происходит согласно такой-то кривой Пирсона, и делается предсказание о том, что и в дальнейшем будет так. Американская литература заполнена такими предсказаниями, и в частности американская экономическая литература, применяя такого рода кривые, предсказывала, как известно, дальнейшее развитие и процветание в Америке, а вот там произошел кризис, которого формула Пирсона как раз не предусматривала. В этом виновато неправильное использование, лжеиспользование математики, которое служит для прикрытия целей, ничего общего с математикой не имеющих. Но мы-то протестовали ли против такого использования математики? Или возьмем такой пример: в Америке новейшая теория народонаселения основана на опыте, который делается над мухами в банке, и из этого выводится формула движения населения. И потом применяется эта мушиная формула для человеческого общества, причем должно быть ясным будущее человечества, все должно быть точно, как по математической формуле. Это конечно глубоко неправильно, ибо тут совершенно не учтено своеобразие человеческого общества. Если говорить о формуле, то нужно предусмотреть и такие явления, как социальные взрывы, как революция. Это не было сделано, и вот носятся с этой якобы математикой, якобы приложе-

нием ее только потому, что здесь придается внешняя видимость, научность, для произвольных выводов, продиктованных классовым интересом. Здесь математика буквально нужна для того, чтобы своей непрерывностью и плавностью дать иллюзию какой-то гарантии от революции. Скажут, — для чего вы это говорите, это не математики делают. Во-первых, делают иногда и математики, а во-вторых, математики должны протестовать против такого лжеиспользования своей науки. Я привел эти примеры для иллюстрации того положения, что и сейчас математика вовсе не внеклассовая в своих приложениях. Она смыкается другим своим крылом с формальной философией, в которой мы наблюдаем такую замечательную картину: если естествоиспытатель начала XX в. был, как правило, материалист — то, что Ленин называл стихийным материализмом, не очень философски обоснованным, но материализмом, — то сейчас ученый естествоиспытатель в среднем представляет собой скептика в лучшем случае, а чаще всего откровенно ударяется в религиозное мировоззрение, ища спасения в религии от неприятностей своей науки. За границей очень крупные ученые пошли по этому пути. Разве случайность, что буржуазная наука 20 лет тому назад была связана с материализмом, правда упрощенным, типа Леба, а теперь имеется такой поворот в совершенно другую сторону. Разве случайно, что 20 лет тому назад руководящие научные журналы не поместили бы статьи, касающейся бога, религии и веры, тогда как сейчас вы можете ее найти в научных журналах? Нет, это не случайность, это отражает изменившееся положение буржуазии, которая сейчас в 30-х годах гораздо ближе к своей конечной катастрофе, чем в начале века, которая видела своими очами революцию, которая видит победу революции в одной огромной стране, дрожит за свои классовые позиции и соответствующим образом свою идеологию заостряет в реакционном духе.

Какова же роль математики у нас? Было бы очень простой и легкой задачей говорить о том, что без математики невозможна техника, а техника есть основа нашего строительства. Именно потому, что это в основном абсолютно ясно, я на этой стороне вопроса не буду долго останавливаться.

Что касается этой технической стороны, то позвольте только обратить ваше внимание лишь раз на его общий размах, который выражается в частности в том, что у нас именно инженеров более всего не хватает и, как прямое следствие, на рынке преподавателей высшей школы более всего не хватает математиков. Молодой человек, который занимается нашей наукой, имеет все шансы стать профессором в 25 лет. Такая большая нужда. Но в том же приложении в технике есть другая сторона, более тонкая. Если перед нами раньше стояла задача заложить фундамент социализма в аграрной стране и если мы под руководством ЦК ВКП(б) с этой задачей справились, то в результате пятилетки у нас будет преобладание индустриальной стороны над аграрной. Достижение этого первого этапа ставит перед новой техникой задачи более тонкие. Сначала нужно было овладеть техническим опытом Запада, его претворить и догнать Запад. Перед нами теперь стоит задача перегнать Запад. И вот — перегнать Запад невозможно на той технической основе, на которой он стоит. «Перегнать» состоит не в том, что мы будем больше давать чугуна, лозунг «перегнать» состоит в том, что наше строительство и методы должны быть выше американских, тогда и чугуна будет больше. Уже к концу пятилетки мы будем иметь немного менее половины продукции Америки. Мы тогда будем стремиться к такому темпу роста продукции нашего про-

изводства, который во вторую пятилетку даст возможность перегнать. Но эта задача — не количественная, а качественная задача. Она ставит перед нами новые конструктивные задачи, она требует большого развития технической мысли, и здесь роль математики очень велика. Здесь дело не только в том, чтобы произвести элементарные подсчеты, быть выученным кой-какой математике, а дело в том, что все возникают новые задачи; здесь инженерная мысль будет биться над совершенно несслыханными задачами, которых Запад не ставил и не может ставить. Я поясню последнюю мысль. Максимальные размеры фабрик Запада нами превзойдены, наш магнитогорский гигант может поспорить с крупнейшими гигантами Запада, наши совхозы — с крупнейшими американскими хозяйствами. Дальнейшие задачи будут ставиться, исходя из промышленных комбинатов и планирования всего хозяйства в целом, отдельных районов в комбинированном виде и т. д. Уже таких вещей, как Днепрострой, на Западе не сыскать по сложности задач, но Днепрострой, как он ни велик, он не последнее слово. И вот поскольку задача в качественном и материальном отношении превосходит все бывшие на Западе масштабы, она уже и техники требует иной, — не только поставить вместо 10 агрегатов 15, а совершенно иные задачи, ибо возможности производства социалистического иные, чем возможности производства капиталистического, и возможности в стране социалистической, где обобществлены все ресурсы, совершенно иные, чем в стране частного хозяйства. И вот, когда этот момент наступит, а он уже намечается, здесь у нас скажется некоторый кризис инженерно-технической мысли, некоторая ее неподготовленность и невооруженность.

На этом решающем этапе социалистического строительства, когда мы уже выполним лозунг «догнать» и когда мы непосредственно вступаем в социализм, на этом важнейшем этапе математика должна сказать свое слово. Все мы должны вооружить технику новым оружием, должны мобилизоваться для разрешения новых задач, которые к этому моменту встанут. Это в отношении техники, но не техникой исчерпываются наши задачи и не тем еще, что мы входим нашей наукой, интегральной частью, в общее образование, и не тем только, что будущие педагоги и статистики будут впитывать ее как часть образования. Вы помните лозунг: «социализм — это учет». Нечего говорить, что для учета нужно уметь считать и вовсе не элементарно. Учет в условиях страны социализма это есть решение большой сложной задачи, одно только правильное размещение промышленности приводит к очень сложным задачам подсчета. Нам нужно однако не только это. В стране, где строится социализм, где нужно уметь считать, нужно, чтобы это умение математически формулировать стоящие перед каждым задачи, умение подойти во всеоружии науки к каждой конкретной задаче, умение руководить наиболее экономно и точно, — чтобы это умение было всеобщим достоянием. Нам необходимо трудиться над тем, чтобы общая математическая культура у нас была выше, чем у других. Сейчас наша страна, можно сказать, победила неграмотность: в городе неграмотных почти нет, в деревне неграмотность будет прикончена в скором времени, всеобщее обучение вводится. Но этого мало. Для того будущего, у преддверия которого мы стоим, каждый рабочий — будет ли он на фабрике или где нибудь еще — должен быть квалифицированным. Социализм не знает неквалифицированного рабочего, и прежде всего он должен быть образован математически. Наряду с перевооружением техников, это наша вторая большая задача.

Я хотел бы далее остановиться на третьей задаче, которая представляется для нас крайне важной. Это роль чисто теоретических знаний.

Тов. Шлихтер уже упомянул, что марксизм — как везде, так и здесь — ведет бой на два фронта, и если мы боремся против отрыва теории от практики, то мы не менее энергично выступаем и против узкого практицизма.

Совершенно неверно думать, что советская власть и руководящая наша партия ждут от науки только непосредственного практического приложения. Это не верно. Это опровергается хотя бы нашим съездом, который создан при поддержке правительства, а также и большим развитием у нас теоретической мысли, большим интересом у нас например к философии. Неверно, совершенно неверно было бы утверждать, что у нас перегиб делается в сторону практицизма. Этими словами некоторые люди только отводят от себя упрек в том, что их теория не есть та теория, которая сейчас современна. Большую роль теории в строительстве социализма и нельзя было бы отрицать. Ведь в основном такой грандиозный, имеющий мировое значение переворот, которым был этот опыт большого мирового значения в преддверии новой эпохи человечества, начала настоящей истории человечества, эта большая работа Октябрьской революции и ее последствий была плодом очень тщательно разработанной великой теории. Одно лишь рабочее движение не привело бы к тем результатам, которые мы имеем. Только рабочее движение в соединении с теоретическим социализмом Маркса—Энгельса—Ленина могло дать победу. Этим теоретическим основаниям мы остаемся верны. И помня о нашем начале в теории, мы к каждому явлению, к которому подходим, стремимся применять теорию, разобраться в нем теоретически, и как раз теоретические науки у нас в большом почете. Однако, есть чистая наука и «чистая наука». Если взять лицо математики в этом последнем разрезе то приходится признать в ней тенденцию к абстрагированию без оглядки. Математика была в значительной степени формальной логикой. Тесная связь существует между современной математикой и формальной логикой. В духе формальной логики математика имела тенденцию превратиться в чистую форму без содержания, и этот отрыв содержания от формы привел к заболеваниям всех теоретических отраслей математики. Математика разумеется есть абстракция, но эта абстракция остается жизненной и способной к творчеству, пока в ней чувствуются соки тех подлинных явлений, от которых абстрагировали. По мере того, как эти соки тают, она вырождается. Нужно научиться теоретические задачи ставить по-новому. Математика представляет собой одну из наиболее разветвленных наук, настолько разветвленных, что когда кто-нибудь делает математический доклад, то очень небольшое число присутствующих может следить за ним компетентно. Это таит в себе опасность общего разброда, опасность отрыва от питающих корней, опасность заблуждений в дебрях леса, откуда не выбраться, и где напрасно расточаются силы и гибнут таланты. Успех в том, чтобы рядом со специальными работами была и работа синтетическая, чтобы основа математики — методология — была в центре нашего внимания, чтобы каждый отдельный математик, удаляясь в лес специальных изысканий, видел спасательные огни. Без общей проработки методологических вопросов математика осуждена на разброд, который скажется на общем снижении ее силы и в частности на той задаче, о которой я имею специально говорить, на силе математики в деле строительства социализма.

Поскольку мы ожидаем здесь нового творческого взлета, который требуется от нас, — является не безразличным, как мы вооружены и нет ли у нас разброда наших сил. О роли этого общего метода я позволю себе,

вместо того чтобы говорить собственными словами, процитировать речь одного из виднейших ученых, хотя не в области математики, а в области языковедения — акад. Марра. Он, правда, говорил о своих науках, но сказанное им приложимо и к нам. Он говорил: «Нет в их изучении действительной увязки с конкретным миром. А это что значит научно? Это значит, что нет метода. Наука, неувязанная с жизнью в XX столетии, это или лицемерные утверждения или пережиток средневековья с монастырями. Наука, неувязывающаяся с экономикой и общественностью в социалистически строящейся стране, — это наука без путей, наука без метода». В этих словах очень крупного ученого поражает то, как смело он соединяет и связывает с жизнью, в частности с социалистическим строительством, метод. У него выходит, что это одно и то же. Он говорит: там, где нет связи с жизнью, там нет метода и, наоборот, там, где нет метода, не получается связи с жизнью. Это на первый взгляд неожиданное, но очень глубокое утверждение совершенно справедливо. Никогда не удастся нам, математикам, добиться общих больших результатов, если мы не будем пользоваться этим всеобщим методом, всеобщим мировоззрением. Наша наука должна догнать те темпы, которыми идет строительство социализма. Она развивается у нас не такими темпами, а для того, чтобы догнать, нужно прежде всего иметь общетеоретическое вооружение. Каков этот метод? Это метод диалектического материализма. Мы можем смело сказать — метод современной науки, смело проводя знак равенства между методом современной науки и диалектическим материализмом, ибо главнейшие успехи, которые действительно мир переделывают, мы можем отнести за счет диалектического материализма, метод которого пока применяется в сфере наук общественных и осуществляется там под руководством материалистической диалектики Маркса, Энгельса и Ленина. Теперь очередь наступает за другими науками. Мы убеждены, что и в других науках настоящий, подлинный расцвет наступит именно тогда и именно в связи с тем, что и их руководящим общим методом станет диалектический метод Маркса, Ленина и Энгельса. Только при наличии этого метода проблема связи абстракции с действительностью для математики перестанет быть чем-то зыбким, а получит реальное подробное разъяснение. Только в свете этой теории станет ясно, какое же значение имеет математика в среде других наук. Я не имею основания излагать здесь основы марксистской диалектики, считая, что они в значительной мере известны. Марксистская диалектика есть прежде всего более высокая ступень мышления, нежели формальная логика. Формальная логика есть орудие хорошее, но орудие более грубое, годное лишь для более упрощенных случаев. Для более же тонких случаев, где выступают внутренние противоречия, метод формальной логики пасует, а диалектическая логика дает орудие для разъяснения этих явлений. Это есть более высокая ступень мышления, и нужно прямо признать, что успехи во всей нашей научной деятельности будут прямо перевернуты, когда к ним будет приложен метод диалектического материализма. Это не значит, что мы, зная переход количества в качество, должны всюду — кстати и некстати — применять эту формулу. Дело не в этом. Дело в глубокой проработке диалектики, в глубокой проработке основ нашей науки под этим углом зрения. Это очень большая и сложная работа, это работа, для которой нужно много участников, в которой каждый из нас должен принять участие, ибо мимо этой задачи нельзя пройти, жизнь выдвигает ее. Жизнь за 13 лет революции не прошла сквозь нас незамеченной, не оставив следа. Лишь очень немногие из нас подобны абсолютно прозрачному телу в этом

отношении, остальные кое-что приняли, переработали. Тяга к изучению этой философии науки у нас растет, и несомненно, после такого перевооружения, у нас в математике наступит новая эра. Мы рассматриваем математику как весьма сильное орудие. Мы считаем, что это орудие пока служило всяким господам, мы хотим, чтобы это орудие служило в нашей стране одному господину и служило не как раб, а чтобы носители этой науки сами творчески, как хозяева, участвовали в общем деле строительства социализма. Мы хотим, чтобы наша наука перевооружилась диалектическим материализмом. И вот это орудие, мощное орудие математических наук, углубленных диалектическим материализмом, мы поставим совокупными усилиями на службу социалистическому строительству под руководством партии пролетариата.